

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

СЕМЕНКОВ ВАДИМ ЕВГЕНЬЕВИЧ

*кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
semenkov1959@rambler.ru*

VADIM YE. SEMENKOV

*Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Theory and Technology
of Social Work of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

УДК 17

ДОСТОИНСТВО ТЕЛА МЕРТВОГО ЧЕЛОВЕКА КАК ТЕМА В БИОЭТИКЕ

DIGNITY OF THE DEAD BODY AS A SUBJECT IN BIOETHICS

Аннотация. Автор осмысляет проблему ценности тела мертвого человека. Размышления выводят его на тему символического достоинства трупа в его целостности. Инструментальная же ценность трупа обнаруживается исходя из того, что тело может быть использовано во благо общества.

ABSTRACT. The article deals with the problem of determining the value of a dead human body. The author believes that this problem finds its strategic solution in finding balance between the internal value of a corpse and its instrumental value. If the conversation about the inner value of the body of a deceased person takes us to the topic of the symbolic dignity of the corpse in its integrity, then the instrumental value of the corpse is revealed when we believe that the body can be used for the benefit of society.

Ключевые слова: принцип перетекания, принцип целостности, правило недопустимости использования мертвого тела в коммерческих целях, терминальная и инструментальная ценности мертвого тела, пластинация.

KEYWORDS: overflow principle, principle of integrity, rule for the inadmissibility of using a dead body for commercial purposes, terminal and instrumental value of a dead body, plastination.

Введение

В размышлениях на медицинские темы мы, как правило, заостряем интерес на живом человеке, пациенте, рассуждая о соблюдении прав, уважении достоинства и т.д. В рамках биоэтики, когда речь идет о соблюдении прав и уважении достоинства, это касается не только живого человека, но и тела мертвого. Внимание к достоинству тела мертвого человека обусловлено уже тем, что одно из правил биоэтики говорит о недопустимости использования пациента в качестве средства для достижения коммерческих целей. Автору настоящей статьи уже приходилось писать об этом. Ответить на вопрос о причинах, почему неприемлемо относиться к человеческому телу как к товару, можно только после того, как будет определено, что такое тело и какой ценностью наделяется телесная природа.

Мы знаем, что в ряде случаев специалисты из области здравоохранения, криминалистики, судмедэкспертизы и так далее имеют дело уже не с людьми, а с их телами. Именно в таких ситуациях мы вынуждены рассматривать тело человека само по себе и размышлять о том, обладают ли эти тела (мертвых людей) некими правами? Иначе

говоря, при обращении к мертвому телу нам надо понимать, что следует и чего не следует делать с телом мертвого человека. Автор в данном случае исходит из признания ценности человеческого тела и уважительного отношения к нему.

Модус отношений между личностью и телом

Поиск ответов на поставленные выше вопросы имеет смысл начать с уяснения модуса отношений между личностью и телом человека. Все наши рассуждения о значении человеческого тела в практическом, утилитарном плане выводят нас на принятие решения о модусе обращения с телом мертвого человека — знакомого или незнакомого. Эти размышления важны для врачей, когда они думают о возможности использования органов скоропостижно скончавшихся людей. Это значимо и для тех, кто проводит вскрытие тела в учебных целях для демонстрации студентам-медикам.

С одной стороны, необходимость подготовки медицинских кадров и развития медицины предполагает использование трупов в процессе медицинских исследований, с другой стороны, в обществе нет единодушного одобрения такой практики. Наше инстинктивное отвращение

к процедуре демонстративного расчленения трупа — важный показатель того, что даже мертвое тело мы наделяем некоей особой ценностью. Современный российский философ Григорий Хубулава справедливо указывает, что христианство не мыслит человека без тела, поэтому и бытие человека после смерти предполагает наличие у него тела, ибо «тело — человек в его целостности» [7, с. 81].

Автор настоящей статьи полагает, что акт демонстративного расчленения тела мертвого человека вызывает у нас отвращения потому, что в его процессе происходит деперсонификация самого человека в его теле. Есть принципиальная разница в том, как мы обращаемся с отдельными частями мертвого тела и телом мертвого человека в его целостности. Мы относительно легко идем на согласие с операциями и манипуляциями отдельными частями тела при условии отрицания их связи с некогда живым человеком. И наоборот, признание этой связи предполагает ввод правил, ограничивающих способы обращения с частями мертвого тела. К числу этих правил относятся и положения закона (получение согласия на использование отдельных частей тела), и этические правила (недопустимость использования тела мертвого человека в качестве средства для достижения коммерческих целей).

Примечательно, что даже траектория попадания человеческих тел в анатомический театр дает материал для этических размышлений. В коллективной монографии исследователей из Англии и Новой Зеландии Алистера Кэмбелла, Гранта Джиллетта и Гарета Джонса «Медицинская этика» приводятся показательные примеры из истории развития медицинского образования в Великобритании.

Представим фрагмент из их работы, напрямую связанный с нашей темой: «В Великобритании первые рассечения тел в анатомическом театре (начиная с XVI века) проводились на трупах преступников, казненных за убийство. Поэтому направление трупа в анатомический театр стало восприниматься как особое наказание, поскольку оно выходило за рамки самой казни. В 1752 г. парламент принял закон, предоставляющий судьям право вместо того, чтобы оставлять казненного на виселице ради устрашения, направлять его тело на рассечение <...> В обоих случаях смысл состоял в том, чтобы тело преступника не предавалось земле. Вскрытие имело даже более карательный оттенок, потому что проводилось на теле, уже оскверненном виселицей» [3, с. 73].

Однако выстраивание такой траектории передачи тела усопшего в анатомический театр со временем перестало покрывать потребности медиков, и тогда в Англии начались раскопки могил. Этим занимались сами медики и их ученики, а позже к делу подключились любители наживы. При все возрастающем спросе со стороны медиков на мертвые тела (для анатомических театров) у криминальных лиц возникло стремление наживаться на этом, в том числе и преступным образом — убийствами людей из социальных низов. Современным ученым известно о таких преступлениях, происходивших

в Англии в то время. Американский философ Тимоти Мадиган указывает на один случай: «так называемые "похитители тел", известные как Бёрк и Хэйр из Эдинбурга, начали раскапывать свежие могилы и поставлять их содержимое врачам. Затем, почувствовав, что похищение трупов занимает слишком много времени и подвергает их риску, они решили сами "производить" трупы. Началась охота на деклассированных и малоимущих. Жертву опаивали крепкими напитками, а затем, по достижении необходимой кондиции, насмерть душили. К моменту, когда врачей начала настораживать странная "свежесть" получаемых тел, бизнес уже достаточно раскрутился. Возможно, так и возник закон "не спрашивай, не говори"» [1, с. 108]. Даже если откровенно преступные действия — убийства людей — на почве спроса на тела со стороны анатомов не получили широкого распространения и пресекались государством, то все равно ситуация с раскопками могил приобрела угрожающий характер: счет извлекаемых тел ворами-экзгуматорами шел на тысячи тел в год. Это не могло не стать предметом широкого обсуждения в английском обществе. Тогда в 1832 году был принят Закон об анатомии, вызванный необходимостью остановить похитителей трупов. Этот закон, с одной стороны, запрещал использовать анатомический театр в качестве наказания за убийство (таким образом, посмертное препарирование перестало ассоциироваться со смертной казнью), но, с другой стороны, выражал интересы медицинского сообщества, так как юридически оформил передачу в анатомический театр тел, не востребованных и не опознанных в течение двух суток. Если учесть, что в подавляющем большинстве случаев это были тела умерших бедняков из приютов и богаделен, то классовая подоплека этого закона становится понятной. Очевидно, что использование невостребованного тела в анатомическом театре являлось скрытой формой эксплуатации малоимущего населения, поскольку у обеспеченных слоев населения было больше прав и возможностей в том, чтобы еще до смерти получить ту или иную защиту от ситуации, предписанной в данном законе. Снова дадим слово авторам «Медицинской этики»: «За 100 лет с момента принятия этого закона в медицинских учебных заведениях Лондона было вскрыто 57 тыс. трупов, и лишь менее 0,5% из них были не из учреждений для бедняков — рабочих домов или приютов (для престарелых или сумасшедших). В начале XX века из приютов поступало больше трупов, чем из рабочих домов. Так продолжалось до конца 60-х годов, когда люди стали значительно чаще завещать свои тела медицинским учреждениям, и этот источник покрыл потребности медиков» [3, с. 74].

Терминальная и инструментальная ценности тела мертвого человека

В связи с указанными примерами... какую ценность имеет для нас тело умершего человека? Представляется возможным здесь исходить из различия терминальных ценностей и ценностей инструментального характера. Труп обладает терминальной ценностью: он ценен сам по себе, в то же

время труп имеет инструментальную ценность: он может быть использован для какой-либо цели.

Разговор о терминальной ценности тела мертвого человека выводит нас на осознание и признание за этим телом определенной самооценности. В этом случае мы исходим из того, что личность человека и его тело в большей или меньшей степени неразделимы, и тогда самооценность живого человека присваивается его мертвому телу. При жизни мы узнаем друг друга по внешнему облику, и после смерти узнаваемое человеческое тело связано с идентичностью человека.

Философ Роберт Венберг называет это принципом перетекания: «Мы не обращаемся с человеческими останками, как с требухой, потому что труп тесно слит с личностью, это останки организма, который поддерживал и делал возможной жизнь личности» [3, с. 6.]. Такую же мысль выразила отечественная исследовательница Ольга Попова: «... личность идентифицирует себя со своим телом. Эта идентификация подразумевает, что личность должна воспринимать свое тело как нечто естественно вырастающее — как продолжение органической, самой себя регенерирующей жизни» [4, с. 398].

В самой памяти о покойном уже содержится момент уважения к нему. Здесь имеет место тот же принцип перетекания, когда наше уважение к человеку и его памяти приводит нас к уважению его тела. Выразить свое отношение к личности покойного можно разными способами, в том числе и через отношение к его телу. Поэтому тело усопшего является неотъемлемой частью прощания, оплакивания и самих похорон.

Наличие принципа перетекания и в терминальной ценности трупа, и в инструментальной делает их разделение искусственным, потому что обе эти ценности способствуют тому, чтобы общество осознало значимость мертвого тела. Из этого следует, что обращение с телами мертвых людей — нравственный вопрос.

Если игнорирование терминальной ценности мертвого тела даст картину, аналогичную той, что была в Англии в начале XIX века, когда тысячи тел осквернились и продавались (по частям) ворами-потрошителями в анатомические лаборатории, то иная ситуация складывается с юридически оформленной волей покойного о дарении своих органов. И именно поэтому мы исходим из презумпции сохранения целостности тела в момент похорон.

Первый аспект связан с принципом уважения свободы пациента. Этот принцип, в проекции на добровольное согласие использования своих органов, предполагает признание за каждым человеком права самому решать, где будет находиться его тело после смерти, что с ним будут делать; независимо от сложившихся социальных практик и общественных приоритетов. Дарение подразумевает, что человек до смерти принял *свободное решение* согласиться на использование своего тела для медицинских целей. Действуя таким образом, он свободно отдает то, что в наибольшей степени идентифицировано с ним. Тимоти Мадиган в качестве показательного примера приводит случай с известным английским

философом XVIII века Иеримией Бентамом, завещавшим свое тело медицинской школе Университетского колледжа в Лондоне. Иеримия Бентам был сторонником философии утилитаризма и свою приверженность идеям этого философского течения отстаивал очень последовательно. Он исходил из того, что после смерти он сам не почувствует никакой боли от вскрытия своего тела, а вот общество может выиграть от этого вскрытия, привлекая много полезной для медицины информации. Мало того, он завещал выставить свое тело после вскрытия и изучения на всеобщее обозрение, чтобы максимально наглядно продемонстрировать приверженность своим идеям и, возможно, вдохновить иных людей на такой поступок. Это тело в застекленной деревянной камере и сейчас встречает всех входящих в фойе колледжа. (Увы, голова философа однажды была выкрадена студентами; с тех пор найденная голова хранится отдельно от туловища в другой части колледжа. А скелет Бентама венчает восковая голова философа. Исследователь Тимоти Мадиган так вдохновился случаем Бентама, что завещал свое тело медицинской школе Университета Буффало [1, с. 107].)

Случай с Иеримией Бентамом, конечно, относится к числу весьма эксклюзивных и скорее является исключением. Однако возможны и весьма вероятны ситуации, когда родственники покойного могут воспротивиться воле покойного на использование его тела в медицинских или иных целях и попытаться аннулировать это решение усопшего. Так мы выходим на второй аспект моральных проблем, вызванных желанием покойного отдать свое тело той или иной инстанции. Этот аспект связан с интересами членов семьи покойного.

Тут сталкиваются моральные принципы: соблюдение принципа уважения свободы волеизъявления покойного и интересов живых. В подходе к этой дилемме возможна следующая логика. Чьи интересы более значимы: покойного или живых членов его семьи? Если предпочтение отдавать живым, то и решение должно приниматься с учетом их интересов, а воля покойного (о дарении своего тела или его частей) должна быть аннулирована. В такой логике инструментальная ценность тела усопшего имеет приоритет над терминальной, что неминуемо ведет к дисбалансу этих ценностей и возможности дальнейших пагубных последствий в других сферах принятия решений о завещании покойного.

Моральный и утилитарный аспекты использования невостробованных тел

Если завещание тела анатомическому театру сопоставимо с донорством для трансплантации, то как быть с невостробованным телом, когда нет завещания? Выше уже было сказано о эксплуатации одного индивида другим или одной группы другой при использовании невостробованного тела. В продолжение разговора о коллизии столкновения внутренней и инструментальной ценностей трупа закономерен (пока риторический) вопрос: насколько уместна практика занятий для студентов-медиков в анатомическом театре? Есть ли на нынешнем

уровне развития медицины существенная польза от таких занятий? Алистер Кэмпбелл и его коллеги утверждают, что до сих пор никто не пытался доказать или опровергнуть это [3, с. 79]. Они же оправданно указывают на тот момент, что «готовность общества (а также профессиональных медиков) использовать тела и без информированного согласия, данного дарителем перед смертью, предполагает, что образовательной ценности вскрытия <...> придается большее значение, чем автономии неблагополучных слоев в обществе» [3, с. 80].

Стоит отметить, что сегодня в сугубо ознакомительных целях вполне возможно формировать навыки обращения с телом человека на муляжах. И лишь хирургов, патологоанатомов и иных специалистов (подобного профиля) стоит готовить в рамках классической практики анатомического театра — на телах мертвых людей.

В контексте поиска баланса между внутренней и инструментальной ценностями тела усопшего следует сказать, что, исходя из заботы о материальном положении социально неблагополучных слоев, можно оплачивать передачу тел их родственникам, погибших в ходе криминальных конфликтов, катастроф и т.д. В этом есть своя логика и по-своему понимаемый гуманизм в отношении бедняков, тем не менее опять же очевидны приоритет инструментальной ценности тела и игнорирование правила *недопустимости использования пациента в качестве средства для достижения коммерческих целей*. Основной аргумент в защиту данного правила можно сформулировать следующим образом: тело покойного не вещь. Американский философ Фрэнсис Фукуяма указал на то, что с телами мертвых людей мы связываем огромную неэкономическую ценность [8, с. 158]. Поэтому недопустимость коммерциализации тела мертвого человека подразумевает необъективируемый статус тела («тело не вещь»). Именно на основе этой формулы в Италии Национальный консультативный комитет по этике и наукам о жизни и здоровье декларировал, что «ни человеческое тело, ни части человеческого тела не могут ни продаваться, ни покупаться» [6, с. 101].

Наконец, нельзя не учитывать криминально-коммерческий аспект использования не востребовавшихся тел. Речь идет о зафиксированных случаях передачи тел из образовательных медицинских учреждений коммерческим компаниям. Такое имело место в Соединенных Штатах Америки, и это не могло не дискредитировать ценности альтруизма и альтруистические намерения доноров, пожелавших передать свои тела после смерти институтам и клиникам для проведения исследований [3, с. 81]. Вышеизложенное может подорвать репутацию всей системы завещания использования тел в медицинских целях. Уже поэтому предпочтительнее отдавать приоритет терминальной ценности тела, выстраивать траекторию передачи тел в анатомический театр только по завещанию и осмыслять социальную работу в иной концептуальной перспективе.

И все же спекулятивно-софистический аспект, связанный с внутренней ценностью тела, остается. А что значит «относиться к телу усопшего

не по-человечески»? Рассмотрим три ситуации, связанные с императивом выдерживания баланса между внутренней и инструментальной ценностями мертвого тела.

Первая ситуация: обучение на случаях клинической (скоропостижной) смерти

С термином «клиническая смерть» не все так просто: у отечественных и зарубежных медиков есть расхождения в определениях. В западных странах под клинической смертью понимается терминальное состояние, при котором отсутствуют наблюдаемые признаки жизни. В отечественной литературе это обратимое состояние продолжительностью несколько минут после остановки сердца. Разница в определениях дает различную свободу маневра врачам и ставит перед ними свои задачи. В европейском подходе при фиксации клинической смерти нет императива борьбы за жизнь, поскольку ситуация оценивается как необратимая. Именно эти ситуации скоропостижных смертей (в европейской терминологии — клинических) и будут рассмотрены ниже.

Такие случаи часто встречаются в практике медиков скорой помощи. Именно там отработаны неинвазивные и малоинвазивные методы спасения жизни, которые предполагают или отсутствие хирургического вмешательства в тело, или вмешательство без разрезов. Все делается посредством проколов и специальной аппаратуры. Данная практика имеет прочную основу в клинической медицине. Тело при этом не обезображивается и не повреждается. Терминальное состояние, при котором отсутствуют наблюдаемые признаки жизни, указывает на перспективу использования этого тела для решения медицинских демонстративно-обучающих задач и т.д.

Подобную практику в Европе принято считать оправданной при соблюдении нескольких условий:

- могут быть разрешены процедуры, не калечащие тело;
- использование тела только что умершего должно быть последним пунктом в специальной программе обучения;
- обучающиеся должны отработать основные методы на манекенах и других учебных объектах и использовать тело только что умершего лишь для усовершенствования навыков.

То, что при обучении делают с мертвым телом, конечно, не приносит ему пользы, но общество может ожидать от этих операций полезных результатов. И все же для общества есть разница между случаем, когда тело остается целым, и случаем, когда оно уже не является целостной сущностью. Эта разница может быть зафиксирована любым корректно проведенным социологическим исследованием. Однако уже априорно можно сказать, что хирургические манипуляции, предполагающие нарушение целостности тела, не получают широкого одобрения, а малоинвазивные процедуры для большинства населения могут быть приемлемыми. «Примером может служить результат исследования, когда ряд родителей только что умерших детей дали согласие на проведение обучающих процедур, но не разрешили вскрытие» [3, с. 96].

Философ Айзерсон утверждает, что использование в учебных целях тела только что умершего человека морально и этически оправдано и является собой проявление большого уважения, поскольку «это обеспечивает реальную ценность, которую символизирует мертвое тело, а не святость символа трупа по сравнению с ценностью мертвого тела как такового» [2, с. 94]. Это высказывание стоит интерпретировать как направленное против фетишизации мертвого тела. Всякий раз, когда звучит требование учета исключительно самооценности тела мертвого человека, мы имеем дело с ситуацией нарушения баланса между терминальной и инструментальной ценностями. Как правило, требование основано на приписывании телу какого-то особого с социальной точки зрения статуса. Можно ответственно сказать, что любое приписывание духовных свойств физическому объекту — это проявление *фетишизма*. В данном случае в отрицании инструментальной ценности тела мертвого человека и сведении достоинства этого тела только к его самооценности.

Основной аргумент в защиту использования тел только что умерших людей без разрешения родственников связан с тем, что обучение обычно происходит в короткий период сразу после смерти, пока трупное окоченение не препятствует осуществлению процедур. Естественно, не всегда возможно так быстро получить согласие родственников умершего. Это открывает путь для морально сомнительных манипуляций врачей. В подобной ситуации приемлемо следующее правило: лучше заручиться согласием ближайшего родственника, даже если это может помешать проведению клинического опыта.

Вторая ситуация: экспериментальные исследования на телах мертвых людей

Экспериментальные исследования на мертвых людях ставят вопрос о разнице между такими экспериментами и вскрытием трупа. В ряде случаев они имеют гораздо больше общих черт, чем различий. В той же ситуации, когда родственникам известна суть эксперимента и его проведение одобрено соответствующими научными инстанциями, то разница практически отсутствует. И все же опять встает вопрос об оправданности апелляции к отношению неспециалистов при осуществлении той или иной практики.

Рассмотрим конкретный случай, приводимый в работе «Медицинская этика». «В 1978 г. министерство транспорта в Калифорнии предложило нескольким университетским лабораториям испытать аварийные подушки для автомобилей в реальных авариях с разной скоростью движения автомобилей. Поскольку манекены ненадежны для измерения степени защищенности живых людей, было предложено использовать трупы. Один из конгрессменов обратился к министру транспорта, подчеркнув, что "использование человеческих тел для оценки безопасности транспорта нарушает фундаментальные понятия нравственности и человеческого достоинства, поэтому должно быть прекращено". И оно было прекращено, несмотря на возражения министерства, что

запрет на использование трупов остановит развитие средств безопасности на долгие годы» [3, с. 97]. В связи с этим... в чем разница между подобными экспериментами и вскрытием тела в анатомическом театре? Логично предположить, что сам факт прекращения испытаний уже указывает на очевидность различия. Вероятно, при столкновении автомобиля с внешней преградой тело мертвого человека разлетелось бы на куски, а вскрытие в учебных целях не предполагает такой деформации. Даже при описании эксперимента перед глазами возникает столь жестокое зрелище, что за этим не может не последовать вопрос о продуктивности и конструктивности подобных опытов. Перед нами ситуация, когда никакая экспертная оценка, свидетельствующая об эффективности исследований, не убедит общественное мнение и представительные органы в целесообразности проведения этих испытаний, потому что в обществе такое обращение с телом умершего человека считается недопустимым. Впрочем, общественное мнение переменчиво — не исключено, что в иную историческую эпоху нечто подобное будет считаться этически приемлемым.

Можно, конечно, усомниться в том, что это мнение является надежным ориентиром в решении таких этических задач. И тем не менее... в исследованиях на мертвых людях должно выдерживаться следующее правило: ожидаемая польза от подобных экспериментов должна быть соразмерена с чувством оскорбления и отвращения, которые испытывают люди.

Ввиду этого становится понятной проблема нашего отношения к практике пластинации человеческого тела. (Пластинация — метод консервации внешнего вида тел мертвых людей или трупов животных, их фрагментов, органов или тканей.) Использование такого метода консервации тел мертвых людей для последующей демонстрации не может быть оправдано просветительскими соображениями хотя бы потому, что никакого просвещения тут нет. В случае пластинации имеет место чистая манипуляция с телом умершего, в ходе которой этому телу придается заведомо неестественная поза, подчас с развратным или оскорбляющим смыслом. Именно это демонстрируется на выставках «Миры тела», организованных немецким анатомом Гунтером фон Хагенсом. Они проходят по всем миру, включая Россию. Конечно, организаторы понимают, что такие мероприятия вызовут общественный резонанс, и боятся от возможных исков и протестов, указывая, что все тела были предоставлены в рамках донорской программы Института пластинации. Нормативно-правовые акты, заключения специалистов по этике и донорские карты доступны посетителям. Тем не менее вопрос о пределах манипуляций с человеческим телом остается открытым, поскольку демонстрация таких пластинов, а это финальный смысл всей затеи, уже попадает под часть 1 ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» Уголовного кодекса Российской Федерации. Эти действия могут быть оценены именно как надругательство из-за откровенного

глумления над телом умершего. Юристы Юрий и Александра Понкины отмечают: «При этом даже тот факт, что кто-либо из числа лиц, чьи трупы были использованы для подобного рода манипуляций, давал прижизненное "согласие" на какие-либо подобного рода манипуляции со своими останками <...> является юридически ничтожным, поскольку право на признание, охрану и защиту достоинства личности человека является одним из фундаментальных естественных прав человека, от которых человек не может письменно или устно отказаться. Любой такой "отказ" <...> юридически ничтожен и не может оцениваться как имеющий юридическое значение для оправдания организаторов обозначенных выставок и лиц, осуществляющих указанные манипуляции с телами умерших» [5].

Здесь следует вспомнить об анатомических увлечениях Петра I. В традиционных, ориентированных на религиозное сознание обществах, с телом мертвого человека связан целый комплекс табу. Радикальность Петра по отношению к русской культуре выражалась в том, как резко и демонстративно происходила десакрализация тела мертвого человека. Тут уместно упомянуть о публичных вскрытиях тел Петром I, а в ряде случаев, надо заметить, это были тела близких ему людей. Петр любил заниматься вскрытием в присутствии придворных. Естественная реакция отвращения аристократов лишь раздражала его. Сюда же можно отнести насаждавшееся Петром I насильственное бритье бороды. Он не только заставлял брить бороды, но и собственноручно это делал нежелавшим. Как точно подмечает Ольга Матич, это «по сути было формой *изувечения* тела» [2, с. 180].

Третья ситуация: археологические находки останков людей

Что касается останков древних людей, обнаруженных в ходе археологических изысканий, то здесь проблема поиска баланса между терминальной и инструментальной ценностями тела стоит не столь остро для общества, как в двух первых ситуациях. Однако может возникнуть дилемма между научными интересами и верованиями, чувствами местного сообщества, на территории которого обнаружены эти останки. Такое происходит в местах компактного проживания малочисленного аборигенного населения, особенно если останки принадлежат представителю этой этнической группы. Тогда встает вопрос: что с ними делать — изучать или погребать? Интересы науки требуют изучения найденного артефакта, ведь останки могут содержать очень важную информацию не только этнографического характера, но и медицинского. Их исследование может показать происхождение различных болезней (например, ревматоидного артрита). Это своеобразный ключ к прошлому, представляющему собой большую научную ценность. Однако чувства и верования аборигенного населения предполагают учет внутренней ценности найденного тела. Конечно, можно возразить, сказать, что эти останки, во-первых, являются частью общемирового наследия, а, во-вторых, могут и не принадлежать представителю вашего сообщества. Этот аргумент идет в ход, когда нет артефактов, строго

идентифицирующих этнокультурную принадлежность человека, впрочем, он достаточно спекулятивен и сомнителен с точки зрения научной этики.

В подобной конфликтной ситуации целесообразно учитывать три переменные: возраст останков, время, когда они были найдены, и то, каким образом прервалась жизнь этого человека. В каждом конкретном случае получается определенная комбинация, и в зависимости от нее должна решаться судьба останков. Автору настоящей статьи представляется оптимальным, когда останки после научного изучения поступают в распоряжение местной общины. Исключения могут быть сделаны в тех случаях, когда очевидно первейшее значение того вклада, который может внести находка в понимание развития человечества и культуры.

Именно такой случай произошел в 1993 году на Алтае, когда в ходе археологических раскопок была обнаружена мумия молодой женщины (примерно 25 лет). Содержание погребальной камеры — останки шести лошадей — указывало на высокий социальный статус погребенной. Возраст останков был весьма велик: ученые датировали период захоронения V–III веками до нашей эры. После изучения мумии в новосибирском академгородке ее отправили в столицу Алтая — город Горно-Алтайск, в Национальный музей. Там для нее сделали специальный саркофаг с оборудованием для поддержания и контроля особого температурного и влажностного режима.

Однако на этом история не закончилась. В 2014 году Совет старейшин Алтая решил захоронить мумию, и глава Республики это одобрил. Против таких действий выступило руководство музея, так как собственником этого объекта является Музей археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), а Национальный музей в Горно-Алтайске выступает в роли временного хранителя. В ответ на вышеуказанную позицию руководства музея группа жителей Алтая, в числе которых был известный в Республике шаман, обратилась в суд иском, а потом и с кассационной жалобой на решение суда, пообещав, что дальше они будут жаловаться уже в международный суд.

Заключение

В качестве вывода по изложенной теме можно сказать следующее.

В рамках биоэтики интерес к достоинству тела мертвого человека обусловлен одним из ее основных правил — недопустимостью использования пациента в качестве средства для достижения коммерческих целей. Это правило формулируется на постулате необъективизируемости человеческого тела: тело человека не является вещью. Наши обязательства перед умершими людьми предполагают внимание к их телам, ибо через тело и можно идентифицировать человека, а целостность человека выражается в целостности его тела. Проблема определения ценности мертвого человеческого тела находит свое стратегическое решение в нахождении баланса между терминальной ценностью (самоценностью) тела и его инструментальной ценностью. Если разговор о первом выводит нас на тему

достоинства этого тела в его целостности, то инструментальная ценность обнаруживается, когда мы исходим из того, что тело может быть использовано во благо общества, тогда и встает дилемма интересов общества и автономии покойного.

Представляются возможными три стратегические решения этой дилеммы:

- в медицинских исследованиях в случаях скоростной смерти приоритет стоит отдавать неинвазивным и малоинвазивным процедурам;

- при проведении экспериментов надо исходить из того, что ожидаемая польза от них должна быть соразмерна с чувством оскорбления и отвращения, которые испытывают неспециалисты;

- в случаях археологических находок останков людей приоритет инструментальной ценности можно допускать только в тех ситуациях, когда очевидно первейшее значение того вклада, который может внести находка в понимание развития человечества и культуры.

1. Мадиган Тимоти Дж. Тело встретило тело. Жизнь Иеремии Бентама после смерти // Логос. Философско-литературный журнал. Том 25, №6. Философы к трона. М., 2015. С. 105–113.
2. Матич О. Постскрипtum о Великом Анатоме: Петр Первый и культурная метафора рассечения трупов // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 180–184.
3. Кэмпбелл А., Джиллет Г., Джонс Г. Медицинская этика: учеб. пособие / пер. с англ.; под ред. Ю.М. Лопухина, Б.Г. Юдина. 2-е изд., испр. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 400 с.
4. Попова О.В. Человек как биологический артефакт: pro и contra // Новое в науках о человеке: к 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / отв. ред. Белкина Г.Л.; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015. 432 с.
5. Понкин И.В., Понкина А.А. Использование тел умерших: пределы возможностей с позиции биоэтики [Электронный ресурс] // Сайт: Русская народная линия. Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/09/26/ispolzovanie_tel_umershih_predely_vozmozhnostej_s_pozicii_bioetiki (дата обращения: 10.04.2018).
6. Сгречча Э., Тамбоне В. Биоэтика / пер. с итал. В. Зелинского, Н. Костомаровой. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2002. 417 с.
7. Хубулава Г.Г. Этические аспекты «живого донорства» // Вестник СПбГУ. Сер. 17, Философия, конфликтология, культурология, религиоведение. 2015. Вып. 4. С. 79–84.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее / пер с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. 349 с.

References

1. Madigan T. When a body meets a body. *Philosophy Now*, 2013, (96), pp. 16–18.
2. Matich O. Postskriptum o Velikom Anatome: Petr Pervyy i kulturnaya metafora rassecheniya trupov [Postscript about the Great Anatomist: Peter the Great and the cultural metaphor of the dissection of corpses]. *New Literary Observer*, 1995, (11), pp. 180–184 (in Russian).
3. Campbell A., Jillett G., Jones G. *Practical medical ethics*. Auckland, New Zealand: Oxford University Press, 1992. (Rus. ed.: Campbell A., Jillett G., Jones G. *Meditsinskaya etika: uchebnoye posobiye*. Moscow: GEOTAR-Media Publ., 2010. 400 p.).
4. Popova O.V. Chelovek kak biologicheskiy artefakt: pro i contra [The human being as a biological artifact: Pro and contra]. In: Belkina G.L., Frolova M.I. (eds.). *Novoye v nauках o cheloveke: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I.T. Frolova* [New in the human sciences: To the 85th anniversary of the birth of academician I.T. Frolov]. Moscow: Lenand Publ., 2015. 432 p. (In Russian).
5. Ponkin I.V., Ponkina A.A. *Ispolzovaniye tel umershih: predely vozmozhnostey s pozitsii bioetiki* [Use of the corpses of dead: Limits of possibilities from standpoint of the bioethics]. *GlavVrach — Head Physician*, 2014, (6), pp. 38–42 (in Russian). Available at: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/09/26/ispolzovanie_tel_umershih_predely_vozmozhnostej_s_pozicii_bioetiki (accessed 10.04.2018).
6. Sgreccia E., Tambone V. *Manuale di bioetics*. Bucarest: EARCB, 2001. 1016 p. (In Italian). (Rus. ed.: Sgreccia E., Tambone V. *Bioetika* [Bioethics]. Moscow: Biblical Institute of Theology of St. Apostle Andrew Publ., 2002. 417 p.).
7. Khubulava G.G. Eticheskiye aspekty «zhivogo donorstva» [Ethical aspects of living donation]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, 2015, (4), pp. 79–84 (in Russian).
8. Fukuyama F. *Our posthuman future*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 2002, 256 p. (Rus. ed.: Fukuyama F. *Nashe postchlovecheskoye budushcheye*. Moscow: AST Publ., 2008, 349 p.).